

МЕРТВА ЛИ ДУША МАНИЛОВА? (ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА МАНИЛОВА В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»)

НАТАЛЬЯ ЧУВЕЛЕВА (БРНО)

В данной статье анализируется один из интереснейших образов в поэме Н. В. Гоголя «*Мертвые души*» – образ помещика Манилова. Автор статьи предлагает один из возможных вариантов интерпретации данного персонажа в контексте современного общества. Новое прочтение позволяет расширить понятие «мертвая душа» и «омертвелость души».

Далее, отмечается специфичность современного восприятия образа Манилова: в амплитуде от симпатии до отвращения.

Наконец, в статье анализируется воплощение образа Манилова в фильме *Дело о «Мертвых душах»* 2005 года (режиссер Павел Лунгин). Это позволяет проиллюстрировать изменения в восприятии поэмы Гоголя, произошедшие на рубеже 20-21 веков.

Ключевые слова: Мертвые души, Манилов, интерпретация, изменение восприятия, нежизненность, симпатия.

The present contribution analyzes one of the most interesting characters of N. V. Gogol's nove (lyric-epic prose work) *Dead Souls* – the character of the landowner Manilov. The author of the contribution offers a possible variant of this character's interpretation in the context of modern society. This reception allows broadening the concepts of 'dead soul' and that of 'lifelessness'. Further, the specificity of the contemporary reception of Manilov's character fluctuating from sympathy to disgust is being analysed. In conclusion, there is an analysis of the realization of this character in Pavel Lungin's film *Dead Souls Trial (Delo o mjortvykh dushakh, 2005)* that gives an opportunity to illustrate the changes in the novel's reception at the end of 20th and at the beginning of the 21st centuries.

Keywords: Dead souls, Manilov, interpretation, changes of reception, lifelessness, sympathy.

Творческое наследие Н. В. Гоголя, несомненно, принадлежит к «золотому фонду» русской литературы. При этом сегодняшний читатель, знакомясь с Гоголем, уже не сталкивается с неким «предпочтительным» толкованием его творчества, как это было в советский период, когда фактически исчерпывающим считалось определение В. Г. Белинского: «Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют – простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается в одном источнике: г. Гоголь – поэт, поэт жизни действительной»¹. Для Белинского Гоголь стал практически творцом «натуральной школы».

Современный читатель, никем не ведомый, имеет возможность охватить всю амплитуду смыслов гоголевских произведений. Выразительной иллюстрацией этого нового этапа в восприятии Гоголя стала, например, анкета «Литературной газеты»: в преддверии 200-летнего юбилея писателя (в номере за 1 апреля 2009 г.) известные писатели, политики, литературоведы, актеры (Валентин Распутин, Валерий Соловей, Петр Краснов, Сергей Миронов, Даниил Гранин, Сергей Дмитренко и т.д.) отвечали на вопросы о Гоголе, последний из которых звучит следующим образом: «Кто вам ближе – Гоголь-реалист, Гоголь-сатирик, Гоголь-мистик, Гоголь-православный моралист?». Сама постановка данного вопроса и явное равноправие всех предложенных вариантов – свидетельство того, что сегодня интерпретация гоголевского творческого наследия становится принципиально многогранной.

Поэма *Мертвые души* – одно из интереснейших творений Гоголя и вообще русской литературы. Сама литературная судьба *Мертвых душ* – а именно сожжение второго тома и неосуществившееся создание третьего – до сих пор хранит в себе некую тайну. Поэтому, с одной стороны, наш диалог с автором оказывается в какой-то степени незаконченным и вызывает у многих читателей ощущение искусственно прерванного разговора. С другой стороны, как бы то ни было, перед нами воля автора. Он сказал своим современникам и потомкам именно то, что хотел. При этом потенциал того,

¹ БЕЛИНСКИЙ, В. Г.: Полное собрание сочинений, тома I-XIII. Москва: Издательство АН СССР 1953-1959, с. 341.

что он выразил в единственном сохранившемся томе *Мертвых душ*, поистине велик. И теперь, на новом витке спирали читательского восприятия, поэма *Мертвые души* заслуживает самого пристального внимания, ибо новое время дает возможность высветить в ней новые грани, раскрыть новые смыслы.

Одна из важнейших проблем при изучении *Мертвых душ* – это особенности системы образов поэмы. И можно предположить, что в контексте современного общества особого внимания и переоценки заслуживает образ помещика Манилова.

Традиционно образы поэмы рассматриваются как сатира на определенные социальные типы в русском обществе. В качестве примера приведем высказывание Г. А. Гуковского: «В соответствии с этим, в первом томе в центре не индивидуальная психология личностей, а типические черты социальных групп и лиц как их представителей»². Характеристику же конкретно Манилова находим, например, у В. Ф. Переверзева: «Манилов, как и все поместные типы, является пустопорожником, а праздность и практическая никчемность и придают всем проявлениям мягкой маниловской натуры нелепую и курьезную окраску»³. Далее исследователь пишет: «Образ Манилова дает яркое представление о том, в какую нравственную слякоть превращаются такие хорошие сами по себе свойства, как мягкость и чувствительность, в условиях никчемного поместного существования»⁴. В общем-то, уже эти слова исподволь указывают на неоднозначность и сложность оценки данного героя.

Можно заметить, что образ Манилова отнюдь не вызывает отвращения, несмотря на то, что черты его характера максимально утрированы, гипертрофированы. Даже оценка Переверзева – советского литературоведа – при всей своей категоричности не лишена доли сочувствия к данному персонажу. Он пишет: «Манилов – далеко не плохой человек, в его психологических чертах мы не найдем ничего уродливого и ненормального»⁵. При чем нужно учесть, что перед нами мнение специалиста, который пытается оценить Манилова по возможности более объективно, вводя его в контекст всего творчества Гоголя.

² ГУКОВСКИЙ, Г. А.: Реализм Гоголя. Москва; Ленинград 1959, с. 476.

³ ПЕРЕВЕРЗЕВ, В.: Гоголь Н. В. In: Большая советская энциклопедия. Главный редактор О. Ю. Шмидт. Москва 1930, 17, с. 362.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Читательское мнение, не базирующееся на специализированном изучении, намного более субъективно. Это непосредственное впечатление от прочтения. И потому реакция читателей, включая представителей так называемого «массового сознания», позволяет судить о судьбе образа Манилова в наши дни. И если рассматривать отзывы читателей начала 21 века, то в них довольно часто наблюдается не только сочувствие, но и симпатия по отношению к Манилову. На одном из сайтов на заданный вопрос: «Кто из персонажей *Мертвых душ* вам наиболее симпатичен?» – можно прочесть ответ: «Мне Манилов нравится, я тоже иногда мечтаю»⁶.

Еще одна статья о *Мертвых душах* в Интернете – отклик на предстоящий 200-летний юбилей писателя – вообще содержит целую речь в защиту Манилова: «Манилов, довольно молодой человек, ничего не делает, только с женой милуется да трубочку покуривает. Мебель до конца обить не удосужился, книгу не дочитал, любит красивенькое, сладенькое, приятненькое. Зато натура чувствительная, увлекающаяся – обходительным людям просто в рот смотрит. И вот, скажем, Чичикову вздумалось убедить его, что надо переменитьсь <...>. Что дальше? Закрасил бы Манилов надпись на беседке «Храм уединенного размышления», книгу бы дочитал, на детей своих неталантливых взглянул бы брезгливым взглядом? Ударился в хозяйственные дела и поставил имение на правильную ногу – то есть применил, допустим, имеющийся (а ведь нет его и в помине) менеджерский талант для повышения эффективности эксплуатации человека человеком? Или пошел, как Байрон, воевать за свободу Греции?»⁷.

Наконец, подобные благожелательные высказывания можно услышать и из уст представителей интеллектуальной элиты. Примером может послужить цитата из статьи Сергея Хачатурова – обозревателя газеты «Время новостей», сотрудника радио «Культура», научного сотрудника Государственного института искусствознания Федерального агентства по культуре и кинематографии Российской Федерации. «Вот несколько не хочется Манилова упрекать. Представьте себе, ну кому под силу вечно испытывать на себе дыхание великого времени, постоянно слыть скитальцем и стоять открытым всем ветрам судьбы? <...> Ведь служил Манилов у Гоголя по военной части и в круговерть истории (очевидно, что в антинаполеоновскую кампанию) попал. Прошло время. Другие настроения – в пристань, в пристань, к семье <...> Выпасть из большой истории в историю маленькую, домаш-

⁶ По источнику: <http://otvet.mail.ru/question/6023601/>

⁷ По источнику: <http://community.livejournal.com/mattihsophia/3244.html>

МЕРТВА ЛИ ДУША МАНИЛОВА? (ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА
МАНИЛОВА В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»)

ною, с халатом, трубкой и прожектами слегка мечтательными и прекраснодушными»⁸.

Это лишь несколько примеров реакции читателей на гоголевского Манилова. При этом вне рассмотрения остались, например, рецензии на театральные постановки поэмы, в которых Манилов представлен забавным и странным, но по-своему симпатичным человеком.

Возникает вопрос: все ли считают «мертвой» душу Манилова и мертва ли она на самом деле?

Очевидно, что сегодня этот вопрос вышел на гораздо более широкий уровень обобщения. И это, с нашей точки зрения, вполне объяснимо и, более того, закономерно, ибо рамки социальной проблематики для него поистине тесны. Современная ситуация создала все предпосылки для того, чтобы воспринять Гоголя во всей полноте его творческого Я. Перед новым поколением читателей предстает не обличитель помещицкой России 19 века (о которой новое поколение читателей едва ли глубоко задумывается), а мудрец, стремящийся познать глубинные тайны человеческой природы. Подобную мысль, например, выражает историк и политолог Валерий Соловей: «Это писатель и пророк, прозревающий смыслы, которые не лежат на поверхности, а таятся в самых глубинах русской жизни. Ему были доступны смыслы, которые мы не можем, а может, не хотим и боимся видеть»⁹.

Образно выражаясь, с героев *Мертвых душ* сегодня сняты маски – маски помещиков. Думается, что теперь важнее увидеть в каждом из них личность со своей сложной психологией. Это, впрочем, нисколько не отменяет типического начала в образах поэмы. Однако недостаточно говорить лишь о типах, наблюдаемых в конкретный исторический период; время лишь подтверждает, что перед нами типы общечеловеческие – а они обладают гораздо большей жизненностью. В чем же заключается «мертвость» Манилова – если увидеть в нем тип, не «целиком обусловленный мелкопоместной стихией», как говорит о нем Переверзев¹⁰, а общечеловеческий?

Ответ можно было бы найти уже в первых словах Гоголя о Манилове: «Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан ни в селе Селифан, по словам пословицы». Кажется знаме-

⁸ <http://www.stengazeta.net/article.html?article=6509>

⁹ Гоголь. Двести лет вместе. In: Литературная газета, 14, 2009.

¹⁰ ПЕРЕВЕРЗЕВ, В.: Гоголь Н. В. In: Большая советская энциклопедия, главный редактор О. Ю. Шмидт. Москва 1930, 17, с. 361.

нательным то, что Гоголь в поисках точного определения Манилова в первую очередь обращается к устному народному творчеству – поговорка здесь максимально расширяет значение этих слов. Ее существование исчисляется веками, ибо издревле существовал тип людей, о которых говорилось и в Откровении от Иоанна Богослова: «знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». Такой человек не действителен ни в добре, ни в зле, и это символически отражено в образе Манилова.

Гоголь далее развивает свое описание: «От него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснешься задирающего его предмета. У всякого есть свой задор <...> словом, у всякого есть свое, но у Манилова ничего не было». Можно заметить, что Гоголь постоянно говорит о самой внутренней сути Манилова, показывая ее в конкретных жизненных ситуациях, в семейной жизни и в быту. В этом смысле отсутствие определенных активных действий, например, в управлении помещьем, – это лишь *одно из многих* проявлений пустоты в душе Манилова.

Откровенно говоря, в поведении этого героя по отношению к собственному помещью мы не увидим ни жестокости, ни какой-то особенной расточительности. Даже обвинение в полном равнодушии было бы не до конца оправданным, если вспомнить прожекты Манилова, пусть так и не реализовавшиеся. Маниловщина – проблема не только и не столько социальная, сколько философская. Ю. Манн, например, вообще называет прегрешения героев *Мертвых душ* «нарочито ограниченными» и «сравнительно безобидными», утверждая, однако, что «в контексте произведений эти прегрешения или преступления глубоко опосредованны и философски значимы <...>, что ведет к ассоциациям сложного, порою трагического звучания»¹¹.

Такое трагическое звучание, по всей видимости, сегодня приобретает и явление душевной пустоты Манилова. Вернее, слово «пустота» применимо здесь лишь относительно; говоря словами другой русской поговорки, свято место пусто не бывает. Поэтому душа Манилова, не наполненная светом, неминуемо будет занята тьмой. Между жизнью и смертью середины нет. И потому статичность и отсутствие валентности как внешнего, так и внутреннего мира этого героя иллюзорна; на самом деле это «скука *смертельная*», как однозначно характеризует ее сам Гоголь.

¹¹ МАНН, Ю. В.: Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя, или «Сильные кризисы, чувствуемые целою массою». In: Вопросы литературы, 4, 2002, с. 16.

МЕРТВА ЛИ ДУША МАНИЛОВА? (ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА
МАНИЛОВА В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»)

И тем страшнее оказывается «приятность» Манилова. Автор вскрывает для читателя ее истинную суть, в которую «казалось, чересчур было передано сахару». Он, в сущности, откровенно предупреждает, насколько может быть обманчиво первое впечатление от такого человека: «В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: „Какой приятный и добрый человек!“ В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: „Черт знает что такое!“». Его неиссякаемые ровность и благодушие в действительности оказываются нежизненностью, механизмом по сути своей.

Создав образ Манилова, Гоголь сделал тончайшее психологическое наблюдение: сталкиваясь с Маниловыми в жизни, не так просто увидеть пустоту за их внешней оболочкой. «Сегодняшний читатель или зритель порою искренне не понимает, почему столько шума из-за взяток борзыми или даже попытки наживы на умерших ревизских душах, которая реальным ревизским душам никакого ущерба не причинит», – совершенно справедливо отмечает. Так что, абстрагировавшись от порочности Манилова-помещика, современная аудитория видит в герое просто человека, вне его социальной роли. И этот человек вызывает в них сочувствие, симпатию. Значит ли это, что мы так слепы, или в нас действительно рождается какой-то отклик? Словом, отношение к данному персонажу тоже определенным образом характеризует состояние сегодняшнего общества.

Итак, вопрос, мертва ли душа Манилова, остается актуальным вплоть до сегодняшнего дня. Маниловщина приобрела новые масштабы. Интересно, что изменения в восприятии Манилова, так же как и произведения в целом, и самого Н. В. Гоголя, сегодня обнаруживаются и в современных вариантах интерпретации *Мертвых душ*. В связи с этим в заключение стоит отметить последнюю из экранизаций поэмы в России, а именно восьмисерийный фильм *Дело о „Мертвых душах“* Павла Лунгина 2005 года.

Павел Лунгин предлагает новый подход к экранизации – кому-то кажущийся оригинальным, а кому-то и провокационным. Во-первых, он не вводит в свой фильм правдоподобный образ автора *Мертвых душ*, как это делает, например, Михаил Швейцер своем фильме 1984 г., но, наоборот, связывает несколько отдельных произведений Гоголя (*Мертвые души*, *Ревизор*, *Шинель*, *Вий*, *Ночь перед Рождеством*) в единое целое, объединяя их стержневой сюжетной линией. Таким образом, у Лунгина Гоголя нет – и в то же время он повсюду.

Далее, этот прием Лунгина соотносится с его восприятием Гоголя вообще: для него Гоголь – в первую очередь философ-нематериалист и даже мистик. Поэтому его фильм построен как фантазия, фантазмагория. Чичи-

ков в нем становится демоническим персонажем мефистофелевского типа, искусителем и знатоком человеческой природы.

Какой же Манилов в фильме Павла Лунгина? Во-первых, эпизод с этим героем крайне отдаленно, лишь отдельными фразами, напоминает сцену посещения Маниловки в самой поэме. Здесь визит Чичикова вообще не показан. Составить о нем впечатление зритель может лишь из слов самого Манилова: в состоянии шока после приезда этого демона помещик сам разыгрывает свою беседу с Чичиковым в лицах. Интересно, что из всех особенностей Манилова Лунгин оставляет и доводит до максимума его состояние «умиления», так что оно начинает напоминать транс или безумие. Манилов совершенно теряет собственное Я и, словно под гипнозом, говорит голосом Чичикова, повторяет его мимику и жесты. Через это режиссер показывает, как происходит «заполнение» той самой пустоты в маниловской душе. Если, пользуясь словами Манна, душа Манилова давно превратилась в неживой механизм, то злой гений, представленный в фильме в образе Чичикова, обязательно сумеет овладеть этим механизмом и «завести» его.

Лунгин выводит на первый план философскую мысль поэмы. Душа в фильме Лунгина – это не ревизская душа, не крепостной крестьянин, а душа человеческая, и именно она покупается и продается. То, что Манилов – помещик, оказывается не столь важно, поэтому его хозяйствование на экране почти лишено деталей. Более того, Лунгин вкладывает в уста двух персонажей диалог на тему взяточничества, который мы не найдем ни в одном из произведений Гоголя. На вопрос, почему все вокруг берут взятки, один из них отвечает: «Поступают, как Люцифер, вопреки Творцу-Вседержителю, вдоль и поперек». «А при республиканском правлении этого меньше», – предполагает его собеседник, на что первый возражает: «Никогда свами не соглашусь! Там тоже люди живут. И так же любят, как и мы, и поперек, и назло!».

Экранизация Павла Лунгина — одно из современных свидетельств того, что проблематика *Мертвых душ* сегодня уходит все дальше от сугубо реалистической и социализированной интерпретации. Такое изменение представляется закономерным и обещающим новые результаты в познании вневременных, общечеловеческих смыслов в поэме Н. В. Гоголя.